

РЕЦЕНЗИИ, КОММЕНТАРИИ, ОТЗЫВЫ

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА БЫКОВА

Студенческие годы, первые шаги в науке

Год тому назад ушёл из жизни профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Анатолий Григорьевич Быков. Многие юристы-хозяйственники имеют представление о творческом пути этого учёного. Автор же настоящих строк имеет возможность и считает своим долгом поделиться воспоминаниями о начале этого творческого пути.

Наше знакомство с Анатолием Быковым состоялось в далёкие годы молодости (страшно вато подумать — это было более 50 лет назад!), в первые дни учёбы в одной из студенческих групп на юрфаке МГУ. Сошлись быстро и непринуждённо, очевидно, по взаимной симпатии. Оба были отличниками, но не это обстоятельство подтолкнуло нас к дружбе. Как-то нам удалось избежать обычного «занудства», наблюдающегося зачастую у отличников, что нередко и подталкивает их к обособлению.

Молодость она такова, что уже сама по себе хороша. Но ведь в ней ещё зарождаются те качества, которые в полной мере должны сказаться позже, в зрелости. Это как бы залог достойной зрелости во всякой деятельности, в том числе и научной. Не зря ведь говорят «Береги честь смолоду». Вот мы с Анатолием её и берегли, насколько нам это удавалось. Например, мы пришли к выводу, что не следует тянуть с выбором предметной специализации в нашей учёбе. Сначала решили действовать так: последовательно присмотреться к научным студенческим кружкам, созданным при разных кафедрах, а потом уже и выбрать наиболее понравившийся. Почему-то начали с кружка гражданского права, да в нём и остались. И не пожалели. Ещё бы! Руководителем был Иван Борисович Новицкий, незабвенной памяти и благодарности профессор!

Мы были покорены его эрудицией, остроумием и неизменным дружелюбием. Это и создавало непринуждённую, но в то же время творческую атмосферу на заседаниях кружка. А как загорались глаза профессора, когда в студенческом докладе ему случалось услышать что-то свежее, взятое из практики, да ещё и с оригинальной трактовкой! А объяснялось это просто: Ивану Борисовичу тогда был интересен такой подход, ибо он как раз углубился в анализ взаимодействия права с реальными экономическими отношениями, в том числе с проблематикой правового обеспечения хозрасчёта и рентабельности. И это после десятилетий, отданных им изучению и преподаванию римского пра-

ва! Разве это не яркий пример многолетнего научного поиска истины и новизны!?

Что дал нам этот студенческий кружок, какие качества позволил приобрести? Думаю, что не ошибусь — это, прежде всего, осознание важности точного знания о рассматриваемом предмете или явлении. Этим вырабатывалась привычка ценить время и внимание руководителя кружка и своих товарищей. Этим изживалось пустословие и желание во что бы то ни стало удивить присутствующих. А вот когда заканчивалось заседание, то дело другое — можно было пошутить и посмеяться. Другой важный урок этого кружка — видеть связь правовых формул с реальной жизнью, прежде всего с хозяйственной практикой. Мы убедились, что такой подход доминировал тогда и на кафедре гражданского права.

Ну, а что было за пределами аудиторий и кафедр? Мы с головой были погружены в бурную в то время студенческую жизнь. Что тут говорить: «Оттепель» сказала! Ведь вокруг появилось много интересного и свежего. Трудно сказать, что нас тогда с Анатолием не интересовало. В литературе, особенно в поэзии, появилось много новых имён. Становились известными и читаемы произведения зарубежных писателей (само собой, это прежде всего Хэмингуэй, Ремарк, Сэлинджер). Обновлялся репертуар театров столицы. Для нас был очень интересен и Студенческий театр при ДК МГУ. Зазвучала разная музыка, но здесь, правда, наши вкусы с Анатолием разошлись — он стремился слушать джаз, а я классику. Полемика же согласия была живопись, преимущественно нереалистическая (!). Много выставок по такой тематике посещалось нами на Кузнецком мосту, а потом на выставках в открывшемся Манеже.

Важен был и стиль в повседневном поведении. Так, желательно, чтобы рубашка была пёстрой. А вот брюки должны были быть суженными — «дудочкой». Допускался галстук — «бабочка». Волосы на голове могли быть торчком или «ёжиком». Некоторые могли себе позволить курить трубку.

Особенно живой и весёлой была жизнь студентов в общегитии (на первых порах это была знаменитая «Стромынка, 32», а потом «Ленгоры»). Там мы чувствовали себя достаточно свободно, хотя и находились под неусыпным оком студсовета и других общественных организаций. Поэтому мы, нет-нет, да и проявляли себя в каком-нибудь эпатажном деле. Так, однажды мы задумали и провели выставку «абстрактной живописи и рисунка». Желание «писать

А. Быков – студент юрфака МГУ

произведения» к выставке проявили все наши друзья, в том числе один обычно чопорный китайский студент. (У меня до сих пор хранится часть этой «коллекции». Анатолий представлен в ней такими талантливыми работами, как «Вечная сюита» и «Ритм безумия».) На следующий день после открытия выставки в нашей комнате (на шесть коек!) мы «проснулись знаменитыми». Весь следующий день не иссякал поток зрителей (студентов из разных факультетов!). Но, как говорят, недолго музыка играла: пришли с каменными лицами представители студсовета и других общественных организаций и потребовали прекратить безобразие (по их мнению).

Что касается обобщающей характеристики Анатолия в то незабываемое время, то она была исчерпывающе раскрыта в таких строках эпитаграммы:

«Философ, мистик и джазист –
Пред деканатом был он чист».

(Эта эпитаграмма была помещена в учрежденном активом комнаты рукописном литературно-художественном журнале «Мир сквозь очки»!)

В общем-то, так и прошли студенческие годы Анатолия Быкова. Университет был окончен и мы, получив «красные» дипломы, в обязательном порядке были распределены на практическую работу.

А. Быков и его друзья слушают музыку

(Слева сверху Виктор Горюнов – впоследствии журналист; слева внизу – Георгий Знаменский, автор очерка; справа – Юрий Якунин – впоследствии прокурор Омской области)

Но весьма существенным обстоятельством было то, что с университетом мы продолжали быть связанными многими нитями. Было очень приятно, что нас не забывали преподаватели кафедры. Иногда, во время летних отпусков, мы с ними встречались в Москве. Не одно письмо я, например, получил от заведующего кафедрой профессора В. П. Грибанова. Тогда я пребывал в Сибири на следственной и прокурорской работе.

Все эти контакты сводились к одному: ребята, не забывайте науку, ждём вашего прихода в аспирантуру.

В конце концов, так оно и вышло. Через три года мы собрались в Москве, чтобы реализовать задуманное. Так что же, здравствуй аспирантура?! Но оказалось не всё так просто. Если честно, то даже весьма жестко. В тот год были объявлены на специальность «гражданское право» лишь два места — очное и заочное. А нас же было шестеро желающих и все подали заявления на одно очное место. Вскоре выяснилось, что и это место исчезло (было отдано под «целевую аспирантуру» некому представителю автономной республики). Поэтому всем нам было предложено переписать заявления на заочную аспирантуру. Что тут оставалось делать — переписали!

Следующий казус: когда сдали вступительные экзамены, то оказалось, что одинаковое количество высших оценок получили два друга — Анатолий и я. Снова тупик. Казалось бы, выход должен быть был один — кому-то надо попроситься с аспирантурой. Но кому? Кафедра не могла решиться на такое. И вот тогда профессор Вениамин Петрович Грибанов, надев орденские планки и схватив свои костыли, направился на приём к самому ректору МГУ — академику И. Г. Петровскому. Решение вопроса было просто замечательным — кафедре добавили ещё одно место! Так мы оба оказались в аспирантуре. Вот там и были сделаны первые шаги в науку.

В МГУ Анатолий и я прошли основательную цивилистическую школу и во многом остались ей благодарными. При этом нам приходилось сталкиваться с учёными-цивилистами разных вузов и исследовательских институтов. И вот мы заметили, что здесь были учёные отнюдь не одного склада. Одни из них исповедовали ортодоксальный, «узкоцивилистический» подход, истолковывая явления жизни только через призму раз и навсегда данных понятий и представлений, а другие же, наоборот, смотрели на эти явления широко и стремились к их адекватному правовому осмыслению, иногда даже ценой если не отказа, то решительной корректировки устоявшихся представлений. Мы испытывали сильное влияние как раз последних, а их, по нашему разумению, было большинство в составе кафедры гражданского права МГУ прежних времён. Оглядываясь назад, осознаёшь, что именно тогда, в процессе

обучения в МГУ, у нас оказался привитым большой интерес к реальным экономическим процессам, что и привело, в конечном счете, в другую научную юридическую школу — школу хозяйственного права, которая как раз начала возрождаться после двух десятков лет запрета. Здесь оказалось возможным в полной мере осознать подлинную причину расхождений во взглядах представителей двух научных концепций — узкоцивилистической (иногда она ещё именуется концепцией «единого гражданского права») и хозяйственно-правовой. По большому счёту, она кроится в разном понимании способов нахождения правильных правовых решений: если первые пытаются их найти в самом праве и его догматах, то вторые — прежде всего в «природе вещей», в реальных потребностях экономического развития.

Кому-то может показаться парадоксальным, что цивилистика МГУ воспитала адептов противостоящей ей концепции — концепции хозяйственного права. На самом же деле речь идёт не о парадоксе, а о вполне естественном развитии научно-мировоззренческих процессов. Наука хозяйственного права по своему характеру требует широкого кругозора и системного мышления. Чтобы приобрести эти качества, Московский университет создавал немалые возможности. И уж вовсе нет ничего странного в том, что некто обнаружил стремление поработать на широком поле науки, а кто-то на узком. И в том, и другом случае всё дело в получении подлинно научных результатов.

Существует известное высказывание о том, что современная наука зиждется на трудах предшественников и на кооперации современников. Славные предшественники науки хозяйственного права были и в достаточно отдалённом прошлом. Вот, например, в 1850 г. на заседании Учёного совета Московского университета молодой учёный Н. Д. Ушинский, воспитанник юридического факультета, сделал доклад, в котором была обоснована первая в мире научная концепция хозяйственного права. (Не будет лишним заметить, что Н. Д. Ушинский имел украинское происхождение и был пламенным патриотом Украины, а также то, что он теперь известен потомкам не как юрист, а прежде всего как «великий русский педагог».)

И вот в наше время Анатолий Григорьевич Быков, имея за спиной славных предшественников, продолжил их дело и основал первую в Московском университете кафедру с хозяйственно-правовой специализацией — кафедру предпринимательского права.

Г. Л. Знаменский,

*д-р юрид. наук,
профессор,*

*чл.-кор. Академии правовых наук Украины,
заслуженный деятель науки и техники Украины,
г. Донецк*